

Опозиция кратких и полных прилагательных в связи с эволюцией примарной (не)определенности в (древне)русском ...

Vasilj, Darko

Undergraduate thesis / Završni rad

2022

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://um.nsk.hr/um:nbn:hr:131:264134>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom](#).

Download date / Datum preuzimanja: **2024-08-11**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Završni rad

***ОППОЗИЦИЯ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СВЯЗИ С
ЭВОЛЮЦИЕЙ ПРИМАРНОЙ (НЕ)ОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В (ДРЕВНЕ)РУССКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ***

Student: Darko Vasilj

Mentor: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.

Ak. god.: 2021./2022.

Zagreb, rujan 2022.

Содержание

1. Введение.....	1
1.1. Грамматическая категория (не)определенности – дефиниция	1
1.2. Имя прилагательное как часть речи	4
1.3. Цель работы	5
2. История кратких и полных прилагательных в праславянском и старославянском языках	7
2.1. Зарождение оппозиции кратких и полных прилагательных (праславянский период)	7
2.2. Краткие и полные прилагательные в старославянском языке – значение и функция	9
3. Развитие кратких и полных прилагательных в древнерусском языке	11
3.1. Усвоение оппозиции определенность / неопределенность	11
3.2. Морфологическое и фонетическое приспособление полных форм прилагательных	12
3.3. Синтаксические функции кратких и полных прилагательных	14
4. Краткие и полные прилагательные в современном русском языке.....	17
4.1. Краткие и полные прилагательные в атрибутивной функции	18
4.2. Краткие и полные прилагательные в предикативной функции	18
5. Краткие и полные прилагательные в хорватском языке.....	22
5.1. Исторический путь кратких и полных прилагательных.....	22
5.2. Традиционный подход к изучению кратких и полных прилагательных	24
5.3. Современное понимание функции кратких и полных прилагательных	26
6. Сопоставление форм прилагательных в современном русском и хорватском языках.....	31
7. Заключение	36
8. Литература	38
Sažetak	44
Kratki životopis.....	45

1. Введение

В этой работе мы займемся вопросом эволюции во многом интересной и, на наш взгляд, недостаточно изученной грамматической категории (не)определенности в контексте возникновения и специфического развития оппозиции между двумя формами прилагательных (краткой и полной) в древнерусских памятниках и ее отображением в современном русском языке, а также сравнением с соответствующими языковыми процессами в хорватском языке. В рамках этого систематического обзора развития двух форм прилагательных (или двух типов склонения прилагательных) в двух исторически близких языках (восточнославянском и южнославянском), нам хотелось бы указать на важность данной оппозиции (краткое – полное; неопределенное – определенное), осуществляющейся на нескольких уровнях языка (семантическом, морфологическом, синтаксическом), как особого явления, характерного для славянских языков вообще. Но чтобы более четко определить цель и задачу работы, сначала коротко остановимся на толковании основных понятий в исследовании – грамматической категории (не)определенности как одной из самых нестабильных и «загадочных» языковых категорий и имени прилагательного как особой части речи.

1.1. Грамматическая категория (не)определенности – дефиниция

Далеко не все ученые согласятся с однозначным определением категории (не)определенности, которая в лингвистике нередко называется одной из самых нестабильных и наименее изученных (Karlić 2017: 167). О комплексности и абстрактности этой категории свидетельствуют ее многочисленные манифестации (различные способы осуществления) в языках мира, а также большое количество открытых и трудно решаемых вопросов, обсуждающихся на протяжении истории в весьма богатой лингвистической литературе, относящейся к этой проблематике,¹ особенно когда речь идет о языках, в которых артикль имеет статус отдельной части речи (Karlić 2013: 68; Маштакова 2005). Самая большая проблема заключается как раз в том, что особенности категории (не)определенности отличаются выраженной

---

¹ Изучение категории (не)определенности уходит своими корнями в глубину истории. Одним из первых исследователей этой проблемы считается грамматик Дионисий Фракийский (2 в. до н. э.), занимающийся описанием артикля в древнегреческом языке (Karlić 2017: 19).

разнообразием в различных языках мира, в результате чего возникают различные трактования и терминологическая путаница (больше об этом в Karlić 2013; Karlić 2017).

Чтобы не погружаться в долгие дискуссии на эту тему, опираясь на рассуждения В. Карлич (2017: 41), в рамках настоящего исследования определенностью будем называть характеристику той или иной грамматической конструкции, предполагающую прямую или косвенную известность референта всем участникам речевого события (собеседникам). Определенность предмета означает его отдельность, единственность в описываемой ситуации, уникальность по отношению к другим предметам (Ефремова, Белкова 2017). Следовательно, неопределенность будет подразумевать неспособность собеседника распознать референт определенной части высказывания, т. е. невозможность идентифицировать его.

Для адекватного описания эволюции категории (не)определенности в русском и хорватском языках также следует отличать примарную (первичную) определенность от секундарной (вторичной). Первичная определенность – это та определенность, которая выражается артиклем, причем артикль – это любой маркер, основная и единственная задача которого является выражение определенности. Видно, что здесь термин *артикль* употребляется в более широком понимании. Он относится не только к артиклям, существующим в некоторых западноевропейских языках (германских и романских), а к любому языковому средству, через которое в первую очередь проявляется категория определенности. Следовательно, это понятие охватывает и праславянское местоимение *i (jъ), ja, je*, которое приобрело статус аффикса, при помощи которого образовывались полные («определенные») формы прилагательных. С другой стороны, вторичная определенность – это та определенность, которая выражается не самостоятельно (в рамках специализированного для этой роли языкового средства), а «попутно» (вместе с каким-либо другим признаком), напр. указательные местоимения в первую очередь указывают на более или менее отдаленный в пространстве или времени предмет, но, следовательно, означают его как точно определенный (Lyons 1999, Karlić 2017: 43, см. и Šajkević 2020: 122). Сразу надо задаться вопросом, каким образом осуществляется категория (не)определенности в современном русском и хорватском языках, т. е. можно ли все еще утверждать, что в этих языках есть примарные средства ее выражения (или они обладают только вторичными средствами). При рассмотрении вопроса примарной (не)определенности в хорватском (и сербском) языке, в первую очередь упоминаются вышеотмеченные формы прилагательных, которые, как считается, содержат

прикрепленный к основе прилагательного аффикс, происходящий от бывшего указательного местоимения со значением определенности (см. 5.2.). Сходное положение вещей (морфологическое противопоставление краткой и полной формы) встречается и в современном русском языке, но нынешнее значение данной оппозиции русскими лингвистами в основном объясняется по-другому, вне рамок грамматической категории (не)определенности, чье присутствие в русском языке из-за отсутствия формального грамматического показателя иногда даже полностью отрицается (см. 4.2.). Другими словами, в обоих современных языках существует праславянская по происхождению оппозиция кратких и полных прилагательных, но ее отношение к значению (не)определенности рассматривается по-разному. Соответственно, вопрос не так прост: чтобы понять историческое развитие двух форм прилагательных и их значений, а также чтобы правильно объяснить современные особенности их семантики, надо учитывать все произошедшие в течение истории изменения, касающиеся данной оппозиции. Только таким образом можно определить их положение и роль в современных языках.

Заканчивая вводные рассуждения о категории (не)определенности, мы хотим указать на еще один значительный для нашего обзора элемент – это так называемый жизненный цикл артикля (согласно Greenberg 1978, см. и Karlić 2017: 61), состоящий из трех фаз, между которыми провести четкие границы, как подчеркивает и сам автор концепции, достаточно затруднительно. Первая фаза жизненного цикла относится к периоду, в котором артикль в том или ином языке (напр. местоимение *i* (*jь*), *ja*, *je* в праславянском) выражает исключительно определенность, во второй фазе его употребление выходит за рамки маркирования определенности (т. е. он приобретает и некоторые новые значения, слегка отклоняясь от своей первоначальной функции), а потом в последней фазе приобретает совершенно новую роль, теряя значение определенности, которое сводится к «чистой» синтаксической функции (напр. обозначение рода) (ср. Hansen 2004, Greenberg 1978, Lehmann 2015, Lyons 1999). Ставя остро вопрос о связях этой концепции Гринберга с предметом нашего исследования, в главной части работы мы попытаемся описать развитие категории (не)определенности (и соответствующего артикля, ее носителя) в русском и хорватском языках и определить, к какой фазе можно отнести современное состояние данных языков.

1.2. Имя прилагательное как часть речи

Имея в виду все вышеприведенные факты, не следует забывать о том, что в настоящем исследовании речь пойдет в первую очередь о выражении (не)определенности в контексте (славянских) прилагательных как особой части речи. Общее лексическое значение прилагательных – это признак (качество, свойство, отношение), носителем которого является определенный предмет (Горшкова, Хабургаев 1981: 219, Marković 2012: 293). Прилагательные в соответствии со своей лексико-семантической функцией могут указывать на признак как таковой (качественные), на признак, вытекающий из отношения к чему-то (относительные) и на принадлежность к тому или иному лицу (притяжательные) (Горшкова, Хабургаев 1981: 223–224). В основном они относятся к существительному, выполняя при этом синтаксическую роль (согласованного) определения или части именного сказуемого (там же: 219). Основными семантическими значениями прилагательных в большинстве языков являются размер, возраст, ценность и цвет (о категориальных значениях прилагательных и семантических прототипах см. Marković 2012: 293). При всем при этом надо учитывать тот факт, что система прилагательных, наблюдающаяся в хорватском и русском языках (и других славянских и индоевропейских языках) является не универсальной, т. е. есть и такие языки (напр. нигеро-конголезские, новогвинейские), в которых прилагательных совсем немного и разница между ними и существительными неясна (там же: 294–295) (кстати, такая ситуация была свойственна и славянским языкам до появления полных форм прилагательных). Иными словами, в некоторых языках прилагательные трудно назвать отдельной частью речи, поскольку у них с существительными много общих морфосинтаксических черт (Hrvatska enciklopedija). Это связано с процессом становления прилагательного как самостоятельной части речи, который обычно делится на четыре этапа: этап синкретизма, семантический, семантико-синтаксический и морфологический этапы (Иконникова 2011). Этот процесс пережили и славянские прилагательные и посредством оформления особыми словообразовательными формантами (указательное местоимение *i (jъ), ja, je*) стали четко дифференцированными в системе частей речи.² Тот самый процесс будет темой нашей работы, поскольку он связан именно с возникновением оппозиции полных и кратких прилагательных. Поэтому

---

² В современном языке это лучше всего видно в «поведении» качественных прилагательных, на развитии которых в большей степени будет и основываться наш обзор.

можно сказать, что одной из основных категорий прилагательных в русском и хорватском языках является их форма (или тип склонения) (хорв. *pridjevski vid; deklinacijska vrsta*) как отчасти ингерентная («внутренняя», характерная для того или иного прилагательного) и отчасти синтаксически (контекстно) обусловленная категория (ср. Marković 2012: 296 и дальше).³

1.3. Цель работы

Во вводной части мы указали на самые важные лингвистические понятия, которыми в работе будем оперировать, а в то же время подняли некоторые существенные для нашего исследования вопросы, касающиеся исторических и современных способов выражения первичной определенности в русском и хорватском языках, путей развития того и другого языка в сфере оппозиции между краткими и полными прилагательными по отношению к прежнему состоянию (в языке-предке – праславянском), различных влияний, вызывающих более или менее заметные изменения в природе данной оппозиции, связей с концепцией трехэтапного жизненного цикла артикля и пр.

Отдавая себе отчет в том, насколько важной является роль исторического развития прилагательных, во второй, третьей и четвертой частях работы мы будем заниматься историей кратких и полных прилагательных с времени возникновения данной оппозиции (праславянский период) (включая старославянский, первый всеславянский литературный язык) до ее полного усвоения древнерусским языком, в котором произошли существенные перемены, оказавшие влияние на нынешнее состояние. В пятой части проведем параллель с ситуацией в хорватском языке⁴ – интерес особенно вызывают традиционные хорватские термины *određeni / neodređeni pridjevi*

---

³ Подробнее об истории изучения прилагательных и их отношений с другими частями речи в Marković 2010: 16 и дальше.

⁴ Общеславянский характер полных форм прилагательных (их присутствие во всех славянских языках) указывает на тот факт, что их образование относится к общеславянской эпохе (или даже к эпохе балто-славянского единства) (Горшкова, Хабургаев 1981: 221; Борковский, Кузнецов 2006: 227; Щеглова 2013: 71; Шахматов 1957: 187; Mihaljević 2014: 97; Karlić 2017: 62; Damjanović 2003 и пр.). Несмотря на то, что между оппозициями кратких и полных прилагательных в русском и хорватском языках ни в коем случае нельзя ставить знак равенства, вышеупомянутый факт позволяет нам с полным правом сопоставлять ситуацию в этих двух языках, истории которых соединяются в одной общей исторической точке (праславянский язык).

(*определенные / неопределенные прилагательные*), которые как будто сами по себе уже предполагают и определяют семантику двух форм прилагательных (но этот вопрос несомненно подлежит рассмотрению). Наш обзор будет в основном базироваться на истории качественных прилагательных, поскольку они в современном языке сохранили и местоименную (полную) и именную (краткую) форму (у относительных только местоименные формы, у притяжательных именные, но не во всех падежах) (Борковский, Кузнецов 2006: 407). В процессе исследования мы будем обращаться к разным источникам, теориям и научным парадигмам, дополняющим или даже взаимоисключающим друг друга. Свои утверждения будем обосновывать примерами, которыми пользовались авторы цитируемых научных работ или собственными примерами, соответственно взятыми непосредственно из текстов художественной литературы.

Итак, в качестве основных целей работы можно выделить следующие:

- дать сжатый и систематичный обзор развития полных и кратких прилагательных в (древне)русском языке и примыкающей к ним грамматической категории (не)определенности;
- сравнить эволюцию форм прилагательных в русском языке с соответствующим развитием в хорватском языке (включая замечания об остальных славянских языках);
- указать на самые важные грамматические особенности кратких и полных прилагательных (двух типов склонения прилагательных) как особого явления, характерного для славянских языков;
- описать развитие категории (не)определенности в русском и хорватском языках согласно концепции Гринберга;
- с помощью сравнения двух языков указать на неадекватность и нелогичность традиционных лингвистических взглядов на эту проблематику в литературе о «новоштокавских» языках (хорватский, сербский, боснийский) и объяснить более современные подходы.

Когда речь идет об изучении древнерусского языка, надо всегда иметь в виду и проблему реконструирования языка на основе сохранившихся письменных следов (памятников), которые никак не могут стопроцентно обосновать теории о том, как язык в то или иное время звучал (произношение звуков) (Šajkevič 2020: 277), но все-таки дают важные сведения о морфологических и синтаксических изменениях в строе языка.

2. История кратких и полных прилагательных в праславянском и старославянском языках

2.1. Зарождение оппозиции кратких и полных прилагательных (праславянский период)

В общем-то, говоря об артикле в европейских языках, можно сказать, что он раньше всего появился в древнегреческом языке, в классической латыни его не было, но в вульгарной латыни он развился (Šajkevič 2020: 123). В славянских языках, являющихся более узким предметом нашего интереса, процесс развития грамматической категории (не)определенности связан с образованием полных форм прилагательных, которые еще называются и членными, поскольку они возникли сочетанием формы именного (краткого, более старого) прилагательного и падежа указательного местоимения *i (jъ), ja, je*,⁵ имеющего функцию, подобную функции определенного члена (артикла) в западноевропейских языках (Борковский, Кузнецов 2006: 227), т. е. полные прилагательные относились к предмету, уже упомянутому и известному (Шахматов 1957: 187, ср. и Šajkevič 2020: 123–124). Обычно отмечается, что полные формы образовались в эпоху праславянского единства (на общеславянской почве), о чем свидетельствует их общеславянский характер (Горшкова, Хабургаев 1981: 221; Борковский, Кузнецов 2006; Щеглова 2013: 71), или даже в балто-славянскую эпоху (Шахматов 1957: 187; Mihaljevič 2014: 97). Краткие формы прилагательных были унаследованы праславянским языком из индоевропейского только как лексико-синтаксическая категория (не морфологическая) (Аверина и др. 2013), так как в ряде случаев между ними и существительными не было никаких структурных различий⁶ (Борковский, Кузнецов 2006: 224), т. е. первоначальная разница между этими двумя частями речи заключалась исключительно в их синтаксической функции (Damjanović 2003: 106) – прилагательные являлись своего рода согласуемыми с существительными признаковыми словами (Аверина и др. 2013). На поздних этапах праславянской эпохи в связи с появлением полных форм происходит оформление морфологических отличий прилагательного от существительного (четвертый этап развития прилагательного согласно Иконниковой (2011), см. 1.2.) и этот процесс завершается уже в отдельных

---

⁵ Напр. добръ + и > добрыи, синь + и > синии.

⁶ Это видно и из сравнения склонения существительных и кратких прилагательных, в которых происходят одни и те же чередования согласных (напр. благъ – блазê – блази) (ср. Karlić 2017).

славянских языках, возникшим с распадом праславянского единства (Аверина и др. 2013).

Не все исследователи согласны с причинами возникновения определенного артикля (следовательно, и полных форм прилагательных) в славянских языках, поэтому в славистике обычно выделяются четыре основных взгляда на эту проблему (четыре теории) (согласно Mihaljević 2014: 97–98, Kurz 1966): теория артикля (хорв. *teorija člana*), морфологическая теория (хорв. *morfološka teorija*), атрибутивно-предикативная теория (хорв. *atributivno-predikativna teorija*) и так называемая специфично-детерминистская теория (хорв. *specifičnodeterminacijska teorija*). Сторонники первой («традиционной») теории, к которым относятся и основоположники славяноведения Й. Добровский и Ф. Миклошич, считают, что местоимение, прибавляемое к краткой форме, имело функцию определенного артикля (как артикли в западноевропейских языках, напр. греческом). Таким образом полные формы отличались от кратких значением определенности предмета (Аверина и др. 2013), т. е. они выражали определенность и известность внешнего референта (Hamm 1958: 139–140). Другие исследователи (напр. А. Достал, К. Горалек, М. Гоновска) объясняют появление полных форм тенденцией (морфологически) разграничить склонение прилагательных от склонения существительных (формальное разграничение прилагательных как части речи) (Аверина и др. 2013). Они также предполагают, что значение (не)определенности развилось только вторично, благодаря влиянию греческого языка (Mihaljević 2014). В рамках атрибутивно-предикативной теории (Р. Ружичка) возникновение полных форм объясняется необходимостью разграничить определительную (адноминальную) и предикативную (адвербиальную) функции прилагательных (Аверина и др. 2013), но многие считают, что эта оппозиция появилась гораздо позднее (Mihaljević 2014: 98) (примером этого может послужить древнерусский язык, см. 3.3.). Последняя теория (Курц, Толстой, Вечерка) как основную функцию полной формы определяет указывание на предмет, выделенный из общего числа ему подобных предметов, воспринимающийся как единственный, уникальный по отношению к остальным однородным предметам. Краткая форма в этом смысле не выражает неопределенность, а только обозначает предмет как ничем не выделяющийся из своей группы, не давая ему никакой дополнительной характеристики (Елкина 1960).

Имея в виду взгляд четырех основных теорий на вопрос отношения славянской оппозиции кратких и полных прилагательных к греческому языку, можно выделить две

струи. Согласно первой, славянские формы прилагательных получили значение (не)определенности как раз под влиянием греческого языка (в чем большую роль сыграли многочисленные переводы текстов). Другая струя отрицает (прямое) влияние греческого языка и считает, что значение (не)определенности развилось в результате внутренних процессов в языке, точнее говоря, морфологического обособления прилагательных от существительных (ср. Елкина 1960). Кажется, что большинство славяноведов придерживается именно этой точки зрения, предполагая, что использование той или иной формы прилагательного регулируется правилами, характерными для внутренней структуры языка, поэтому не следует рассматривать данную оппозицию как «слепое» копирование греческой модели (Hansen 2004). Но в славистике имеются и некоторые более «радикальные» утверждения, основывающиеся на предположении, что рассматриваемая нами оппозиция на самом деле никогда не выражала грамматическую категорию (не)определенности, т. е. развитие прилагательных является чисто формальным (без любых семантических оттенков) (там же; см. и Marković 2012). Настоящее исследование мы будем вести в основном в соответствии с самыми распространенными в области славистики теориями, но при этом обращая внимание на некоторые их «слабые» точки.

Елкина (1960) отмечает, что исконное отношение кратких и полных форм прилагательных (их первоначальное значение) лучше всего отражается в старославянском языке, поэтому сначала необходимо рассмотреть их характеристики и функции именно в этом языке.

2.2. Краткие и полные прилагательные в старославянском языке – значение и функция

Как мы уже отметили, оппозиция кратких и полных прилагательных в прошлом была свойственна всем славянским языкам, однако не все из них сохранили эту грамматическую особенность своего языка-предка, напр., самые большие изменения претерпели западнославянские языки, в то время как в западно-южнославянских языках соотношение двух форм все еще совершенно узнаваемо (Елкина 1960).

В старославянском языке данная оппозиция была актуальна не только на морфологическом, но также на семантическом уровне, так как наличие постпозитивного определенного члена (артикля) или, наоборот, его отсутствие первоначально выражало категорию (не)определенности по отношению к существительному, описываемому

прилагательным (Маштакова 2005). Иначе говоря, в старославянском языке выражение категории (не)определенности происходило путем членных (полных, с членом) и нечленных (кратких, без члена) форм прилагательных. Но ситуация все-таки была не простой, как может показаться на первый взгляд: язык старославянских памятников письменности свидетельствует о том, что некоторые прилагательные имели только полную форму (напр. прилагательные со значением времени и места, образованные от наречий), а некоторые употреблялись только в краткой форме (напр. притяжательные) (Комарова 2021).⁷ Этот факт уже указывает на некоторые рестрикции в системе дистрибуции, оказывающие отрицательное влияние на оптимальное осуществление оппозиции определенность / неопределенность у выделенных типов прилагательных. Другими словами, многие прилагательные в рамках предложения были ингерентно ограничены своим происхождением.⁸ Кроме того, заметно, что краткая форма в старославянском языке имеет более широкий диапазон синтаксических функций, чем полная форма, которая, в отличие от краткой, не может являться частью именного сказуемого (выполняет только роль определения), в чем заключается проблема синтаксической ограниченности полных прилагательных (Hansen 2004). Еще одним знаком ослабления роли определенного члена являются и примеры кратких и полных прилагательных, которые отличаются друг от друга не признаком определенности или неопределенности, а лексическим значением, напр. *длѣжьнѣ* (быть должен) / *длѣжьнѣи* (надо, нужно): *женѣ моужь длѣжьноюю любвь да въздаеть* (Apostolus Christinopolitanus) / *мы законъ имамъ и по закону нашему длѣжьнѣ есть оумрѣти* (Codex Zographensis) (там же: 60).

В итоге можно отметить, что в старославянском языке оппозиция кратких и полных прилагательных функционирует как определенный тип выражения грамматической категории (не)определенности, однако очевидно, что довольно рано

---

⁷ У остальных прилагательных (третья группа) наблюдалась корреляция кратких и полных форм.

⁸ Это отступление от правила все-таки можно оправдать явлением «ингерентной определенности», свойственной притяжательным прилагательным, в результате чего они не нуждаются ни в каком дополнительном оформлении в виде определенного артикля – они выражают определенность сами по себе (Мароевич 1981: 106). Поэтому этот тип прилагательных не имел традиции использования местоименных форм ко времени возникновения оппозиции определенность / неопределенность (Горшкова, Хабургаев 1981: 228–229). Маркович (2010) считает, что значение определенности заключено уже в их суффиксах, добавляющихся к имени собственному (напр. Иван + ов).

появляются элементы нарушения (частичной деструкции) данной семантической оппозиции (ср. Hansen 2004: 60–61).

3. Развитие кратких и полных прилагательных в древнерусском языке

3.1. Усвоение оппозиции определенность / неопределенность

Формирование местоименной парадигмы склонения прилагательных и сегодняшней дифференциации кратких и полных форм в (древне)русском языке был процесс длительный, имеющий свои этапы, отличающиеся особыми условиями протекания. Выделение местоименного склонения как отдельной парадигмы началось, конечно, еще на ранних этапах древнерусской эпохи в результате активного продолжения процессов, начавшихся в праславянском языке (Горшкова, Хабургаев 1981; Колесов 2010: 223).

Следовательно, в языке древнерусских памятников оппозиция членных и нечленных форм сначала образовывала семантическую оппозицию по признаку определенность / неопределенность. Как считает Киржаева (2010: 65), тем самым создавались предпосылки для возникновения в древнерусском языке грамматической категории (не)определенности. О правильном осуществлении этой оппозиции свидетельствуют в первую очередь примеры памятников древнерусской письменности, отражающие достаточно архаичный язык, напр. *Новгородская летопись* и *Повесть временных лет* (Маштакова 2005): *Велики страхъ и тьма бысть* (ПВЛ, год 1124) / *Перевозися Ярославъ съвои на другой ноль Дьньпра* (ПВЛ, год 1116).⁹ Вышеприведенную гипотезу на примере цитаты из пророков в *Повести временных лет*, из которой видна оппозиция между двумя формами прилагательного *лукавий*, т. е. соотношение нового признака в сказуемом и постоянного признака в определении, пытается доказать и Колесов (2010): *Яко вы худи есте и лукави, и азъ поиду к вамъ яростью лукавою*. Однако, в продолжение работы увидим, что данная оппозиция достаточно рано в древнерусском языке оказывается слабой.

---

⁹ Маштакова (2005) доказывает (не)определенность данных примеров сравнением русского текста с французским переводом, поскольку французский язык выражает эту категорию примарными средствами (артиклем в препозиции).

3.2. Морфологическое и фонетическое приспособление полных форм прилагательных

С морфологической точки зрения, надо сказать, что именные прилагательные склонялись в древнерусском как существительные с основами на *о (мужской и средний род) или *а (женский род) (как и в старославянском языке). Полные прилагательные имели упрощенное склонение по отношению к старославянскому, в котором изменялись обе составные части прилагательного (именное прилагательное и добавленное к нему местоимение) (Грицкевич 2003, Сабитова 2014: 256). Действительно, и в древнерусском языке сначала склонялись по падежам и прилагательное и местоимение (напр. в *Слове о полку Игореве* встречаем следующее предложение: *В Новеграде трубы громкие трубят, / Во Путивле стяги бранные стоят!*, ср. *Новеграде – Новгородде*), но потом их основы слились (Karlić 2017: 63). Кроме того, еще в дописьменную эпоху на склонение полных прилагательных большое влияние оказали формы указательного местоимения *тъ, та, то*, напр. *добрыи – доброго* вместо старославянского варианта *добрыи – добр(а)го* по аналогии с *тъ – того* (Сабитова 2014: 256, см. дальше).

Кроме вышеприведенных морфологических изменений, еще в старославянских памятниках начинаются и определенные фонетические изменения первоначальных полных форм прилагательных, которые продолжаются в развитии отдельных славянских языков (Mihaļjević 2014: 99–100). В самом начале происходит утрата интервокального [j] и уподобление (ассимиляция) конечного гласного основы окончанию (напр. Р. п. *добра + ѡго > добраѡго > добрааго*), а потом стяжение двух однородных гласных (*добрааго > добраго*) (см. Киржаева 2010: 64; Грицкевич 2003: 62, Горшкова, Хабургаев 1981: 221).¹⁰ В связи с влиянием указательного местоимения *тъ, та, то* (Р. п. мужского и среднего родов: *того*) довольно рано (в памятниках 11-го века, напр. *Изборник Святослава, Новгородские Минеи*) появляются фонетически необъяснимые формы типа *доброго* (ср. Д. п. *доброму* по отношению к *тому* и пр.) (Борковский, Кузнецов 2006: 229), свидетельствующие о сближении флексии местоименных форм прилагательных с флексией указательных местоимений (см. и Горшкова, Хабургаев 1981: 233 и дальше). Такая форма родительного падежа (*доброго*) свойственна современному русскому языку, но только в письменном варианте, так как произношение [в] на месте [г] указывает и на

---

¹⁰ В некоторых падежах (напр. творительный падеж ед. числа, дательный, творительный и местный падежи мн. числа и дательный, творительный и предложный падежи двойственного числа) происходит и замена звуков [о], [а], [е] звуком [ы], напр. *добрыими*, т. е. (после стяжения) *добрыми* (ср. Грицкевич 2003: 62).

дальнейшее фонетическое развитие: считается, что в результате фрикативного осуществления звука [г] оно с временем утратилось (*доброуо* > *доброо*), а потом в позиции между двумя однородными гласными заднего ряда ради преодоления хиатуса появился интервокальный звук [в] (*доброо* > *доброво*) (ср. Борковский, Кузнецов 2006: 235–237; Горшкова, Хабургаев 1981: 238; Колесов 2010: 222 и дальше). Поэтому фонетическую эволюцию полных прилагательных на примере форм родительного падежа можно показать следующим образом:¹¹

живааего	живааго	живааго	живаго	живого	[живоуо]	[живоо]	[живово]
----------	---------	---------	--------	--------	----------	---------	----------

Кроме того, когда речь идет о фонетических характеристиках древнерусских прилагательных, не следует забывать об особой судьбе так называемых напряженных [ы] и [и] в падежных окончаниях, которые после 13-го века в результате падения редуцированных, находясь в сильной позиции, изменились в [о] и [е] (поэтому возникли такие формы именительного падежа мужского рода как *доброй*, *синей*, которые под влиянием старославянского языка позже были заменены современными формами *добрый*, *синий*, т. е. древнерусские окончания удержались только на ударных окончаниях,¹² напр. *живой*) (ср. Щеглова 2013: 71). Такое развитие звуков [ы] и [и] в окончаниях прилагательных среди всех славянских языков было свойственно только русскому, т. е. центральному великорусским говорам (Горшкова, Хабургаев 1981: 237).

Древнерусские прилагательные вместе с вышеописанными изменениями на фонетическом и морфологическом уровнях, оказавшими посредственное влияние на их будущие семантические особенности, потерпели и ряд других изменений, причем самой

¹¹ В формах именительного падежа в хорватском языке произошли еще некоторые изменения (утрата интервокального [j] и стяжение), в результате чего две формы прилагательных в женском и среднем роде формой полностью совпали друг с другом (напр. *milaja* > *milaa* > *mila*; *miloje* > *miloe* > *milo*). Но разница между краткой и полной формами все-таки существует благодаря акцентологическим особенностям языка (в результате произошедшего стяжения в полных формах гласный в окончании всегда долг: *milā*, *milō*) (ср. Marković 2012: 310). Из этого видно, что в хорватском языке в отличие от русского фундаментальную роль при дифференциации двух форм прилагательных часто играет именно ударение (а не морфология).

¹² После того, как местоименный элемент при формировании полной формы перестал быть энклитикой, т. е. стал суффиксом, в зависимости от древней акцентуации и интонации краткой формы прилагательного, к которой он добавлялся, ударение могло падать либо на основу либо на окончание, поэтому и в современном языке имеются два акцентологических типа полных прилагательных в зависимости от места ударения, напр. *добрый* / *живой*, *полный* / *сухой* (ср. Курилович 1969).

значительной для нашей темы кажется их синтаксическая функция (положение в синтаксическом строе языка), которая прочно связана с нарушением оппозиции определенность / неопределенность и, следовательно, утратой примарных средств выражения грамматической категории (не)определенности на более поздних этапах развития древнерусского языка.

3.3. Синтаксические функции кратких и полных прилагательных

Несмотря на тот факт, что оппозиция кратких и полных прилагательных в связи со значением (не)определенности, согласно вышеприведенным примерам, была актуальной в ранних фазах древнерусского языка, она быстро начала стираться, особенно в живой речи, но также в книжно-литературных текстах, более последовательно отражающих традиционные нормы употребления, поэтому разница в грамматической семантике двух форм рано становится трудно заметной (Горшкова, Хабургаев 1981: 223). Согласно Маштаковой (2005), уже в старших памятниках эта оппозиция воспринимается как реликтовое явление, поскольку распределение обозначения определенности и неопределенности стало нарушаться. Первая проблема заключалась в том, что отсутствие указательного местоимения не всегда обозначало неопределенность существительного, так как определенность могла содержаться уже в его лексическом значении, что было характерно для имен собственных (напр. *Ярославъ*, *Новъгородъ*), названий некоторых (точно определенных) церковных праздников (напр. *великъ дьнь*) (Грицкевич 2003: 60; Щеглова 2013: 66–67) и притяжательных местоимений, которые дольше всего (до 13-го века) сохраняли краткие формы, так как их суффикс на самом деле имел значение определенности, особенно суффикс *-j-*, участвующий в формировании полных форм прилагательных (напр. *сынъ Володимиръ* 'сын Володимира') (Колесов 2010: 225; см. и Marković 2010: 86). Поэтому нельзя сказать, что каждое прилагательное без указательного местоимения (краткое) являлось неопределенным, поскольку в определенных случаях необходимости в местоимении просто не возникало (Колесов 2010: 221).

Вторая большая проблема относилась к их синтаксическому употреблению, которое постепенно приводило к смешиванию двух форм, а потом и к вытеснению кратких форм полными (Щеглова 2013: 69). Вначале краткие формы употреблялись и в функции определения, и как часть именного сказуемого. С другой стороны, полные

формы были ограничены атрибутивной функцией, в составном сказуемом они встречались исключительно редко (Колесов 2010: 226). Этому имеются два противоположных объяснения: Горшкова и Хабургаев (1981) утверждают, что сказуемое всегда относится к новому, неизвестному в высказывании (дает новую информацию), поэтому полная (определенная) форма в этой функции никак не годится. С другой стороны, Щеглова (2013) считает, что признак, выраженный именовым сказуемым, всегда относится к уже известному для говорящего предмету, но определенный член (полная форма) здесь излишен, поскольку значение определенности заключается уже в самой синтаксической функции прилагательного, т. е. определенность предмета сама собой подразумевается. Как бы то ни было, надо заметить, что в отличие от современного русского языка краткая форма прилагательного имела более широкую сферу употребления, но ситуация изменилась в результате двух основных синтаксических тенденций, непосредственно повлиявших на перемены в оппозиции, перемещая акцент с ее семантического аспекта на синтаксический, о чем как раз говорит концепция жизненного цикла артикля Гринберга. Эти две тенденции охватывают постепенное ослабление роли кратких прилагательных (их ограничение предикативной функцией) и одновременное распространение сферы употребления полных форм, которые в современном языке чаще всего воспринимаются как основные (за исключением притяжательных прилагательных).

Ограничение кратких прилагательных предикативной функцией Борковский и Кузнецов (2006: 231) объясняют как раз их значением неопределенности, которое, как предполагают, обычно выражается сказуемым. Краткие формы начали терять возможность быть определением рано (в 12–13 вв.), больше всего в памятниках, близких к живой речи и, следовательно, они перестали склоняться. Уже в 13-ом веке косвенные падежи кратких форм встречаются редко (Колесов 2010: 222), в отличие от памятников 11–12 вв., когда число кратких форм достигало даже половины всех употреблений прилагательных (там же: 229–230). К 14-ому веку краткие формы обнаруживаются только в составе устойчивых атрибутивных сочетаний и прежде всего в текстах делового стиля. Процесс утраты их склонения происходил медленно и не во всех падежах одновременно, но можно сказать, что к этому периоду были утрачены практически все формы кроме форм именительного и винительного падежей (там же). Следовательно, 15-ый век считается периодом окончательной утраты первоначальной функции и семантики кратких прилагательных (напр. *Хождение за три моря* тверского купца Афанасия

Никитина), но они все еще встречаются в памятниках до 17–18 вв. (Борковский, Кузнецов 2006; см. и Сабитова 2014: 251). В то же время в древнерусском языке наблюдается тенденция расширения употребления полных прилагательных, которые раньше могли выполнять только роль определения. Эта тенденция особенно коснулась относительных прилагательных, у которых полная форма преобладала довольно рано, т. е. членные формы вытеснили именные (см. Маштакова 2005; Борковский, Кузнецов 2006), что обычно объясняется их исконной связью с определением (не сказуемым) в результате отсутствия прямой соотносительности с глаголом (больше об этом в Грицкевич 2003: 59; Сабитова 2014: 251; Иконникова 2011). В дистрибуции качественных прилагательных, являющихся центром нашего внимания, можно также несомненно заметить следы данной тенденции: в текстах 15–17 вв. полные формы употреблялись в предикативной функции в основном только как яркое стилистическое средство (Колесов 2010: 221), но их употребление распространяется и на сочетания с указательным или притяжательным местоимением (там же: 230), которые уже ингерентно обладали значением определенности (см. и Горшкова, Хабургаев 1981: 227–228).

Все вышеприведенные явления свидетельствуют о том, насколько оппозиция кратких и полных прилагательных на протяжении истории древнерусского языка утратила свое первоначальное значение, т. е. различие в грамматической семантике, обусловленное первоначальным значением определенности праславянского указательного местоимения *i* (*jь*), *ja*, *je*, которое когда-то выполняло роль артикля (определенного члена), примарного маркера определенности.

Подводя итоги части работы, занимающейся (не)определенностью в древнерусском языке, подтверждаем утверждения Гансена (2004): в древнерусском языке обнаруживается система прилагательных, аналогичная системе старославянского языка – обе формы вначале имели полную парадигму (формы всех падежей и чисел), краткая форма использовалась во всех синтаксических функциях, тогда как полная исключалась из сказуемого. В более ранних памятниках оппозиция по-прежнему выражала значение (не)определенности, но в результате двух тенденций (расширения сферы употребления полной формы и исключения краткой из атрибутивной функции), первоначальная оппозиция демонстрирует некоторые нарушения, причем ее два полюса, отклоняясь от исходной семантической функции, постепенно приобретают новую – синтаксическую, все больше приближаясь к третьей фазе жизненного цикла.

4. Краткие и полные прилагательные в современном русском языке

В результате двух основных тенденций, повлиявших на изменения в дистрибуции прилагательных в древнерусском языке (распространение полной формы и деградация краткой), в современном русском языке полные формы оказываются единственно возможными в атрибутивной функции, следовательно, в отличие от кратких форм, имеют формы всех падежей и обоих чисел, поэтому чаще всего воспринимаются как основные, первичные (ср. Горшкова, Хабургаев 1981: 226). Семантическая оппозиция двух форм прилагательных, являющаяся примарным средством выражения грамматической категории (не)определенности, которая достаточно рано в древнерусском языке начала показывать определенные отступления от правил, в современном русском языке практически полностью потеряла свою связь с первоначальным употреблением и значением. Об этом свидетельствует ряд статей и научных работ, занимающихся вопросом выражения (не)определенности в современном русском языке, в которых оппозиция кратких и полных прилагательных вообще не рассматривается как одна из возможностей (напр. Ефремова, Белкова 2017; Углева 2006). Русский язык (как и все славянские языки) является безартикловым языком, не обладающим формальными средствами выражения категории (не)определенности (в отличие от большинства западноевропейских языков, в контексте которых она чаще всего и изучалась). Поэтому лингвисты долго спорили о статусе этой категории в русском языке и, несмотря на то, что речь идет об универсальной языковой категории, даже отрицали ее присутствие в нем (ср. Šajkevič 2020: 123; см. и Маштакова 2005). Однако, вопреки тому, что в русском языке нет морфологического ядра для выражения категории (не)определенности, существуют соответствующие вторичные средства (см. 1.1.) (лексическое и лексико-семантическое ядро), напр. указательные, относительные и притяжательные местоимения для выражения определенности и неопределенные местоимения и наречия (неопределенные слова) для выражения неопределенности (Маштакова 2005). В продолжении работы коснемся характеристик употребления форм прилагательных в современном русском языке (правила дистрибуции, синтаксические ограничения), чтобы обосновать вышеприведенные тезисы о полной утрате их первоначальной семантики.

4.1. Краткие и полные прилагательные в атрибутивной функции

Мы уже отметили, что в современном русском языке как правило только полные прилагательные выполняют синтаксическую роль определения (кроме притяжательных прилагательных, имеющих только краткую форму), однако существует и небольшое количество исторически обусловленных исключений, в результате которых осуществляется атрибутивная функция краткого прилагательного (Киржаева 2010: 65): некоторые прилагательные в составе фразеологизмов (напр. *сыр-бор разгорелся*), прилагательные фольклорной поэтики (напр. *добр конь*) или так называемые усеченные прилагательные в поэтической речи 18–19 вв. (напр. в *Медном всаднике* Пушкина: *Была ужасная пора / Об ней свежо воспоминанье...*) (их все-таки следует отличать от исходных кратких форм, поскольку они образовывались усечением или стяжением полных форм, см. Кулева 2017; также Борковский, Кузнецов 2006: 232–233). Кроме того, в современном языке есть и редкие случаи, когда краткие формы прилагательных, как правило обладающие формами только именительного и винительного падежей, появляются в форме какого-либо косвенного падежа, но это свойственно только наречиям, образованным сочетанием предлога и прилагательного (напр. *издавна*, *свысока*) и устойчивым, окаменелым выражениям (напр. *на босу ногу*, *от мала до велика*; в *Ханском огне* Булгакова: *Были в сандалиях на босу ногу...*; *Я говорю: чего, дурак, воешь среди бела дня?*) (ср. Грицкевич 2003: 59; Борковский, Кузнецов 2006: 232). Поскольку употребление кратких форм в атрибутивной функции строго ограничено только устойчивыми выражениями, понятно, что исходная семантическая оппозиция определенность / неопределенность здесь не может иметь места. Краткие прилагательные в определении являются не правилом, а исключением как результат процесса лексикализации, при котором грамматический аффикс в комбинации с определенной лексемой становится окаменелой лексической единицей, теряя свои прежние характеристики (ср. Hansen 2004).

4.2. Краткие и полные прилагательные в предикативной функции

В отличие от прилагательных в атрибутивной функции, благодаря особенностям современной дистрибуции кратких и полных форм в русском языке, данная оппозиция более заметна у прилагательных, выступающих в качестве части именного сказуемого, в рамках которого проявляется грамматическая категория идентификации и атрибуции по

отношению к подлежащему (напр. *Он – Иван.*; *Он – хороший студент.*) (ср. Vasilj и др. 2022). Конечно, эту дистрибуцию нельзя назвать полностью свободной, так как существуют и определенные ограничения при употреблении той или иной формы прилагательных, т. е. семантико-синтаксические контексты, в которых употребление той или иной формы является обязательным, напр. краткая формы при выражении субъективности (*Мне штаны малы.*), в модальном значении (*Еда необходима всем людям.*), при выражении обобщенности (*Раненый зверь опасен.*) и пр. (ср. Živković 2016: 15). Некоторые прилагательные вообще не имеют полной формы (должен, рад, согласен) (там же), а иногда даже можно говорить о лексической разнице между двумя формами (болен – больной) (Krneta 2010). Но чем отличается употребление краткой и полной форм в контекстах, в которых такого рода ограничений нет (напр. *Он сердит.* / *Он сердитый.*)?

Мы видели, что на некоторых этапах развития русского языка данная оппозиция (сердит – сердитый) была связана с выражением грамматической категории (не)определенности. Однако, такая семантическая разница при дистрибуции двух форм прилагательных в научных работах и справочниках, описывающих более современное состояние русского языка, практически не упоминается. Это, конечно, связано с вышеописанным процессом утраты первоначальной семантики данной оппозиции (третья фаза жизненного цикла артикля). Вопреки этому, должна существовать причина, по которой эта оппозиция все еще удержалась в языке (согласно правилу об экономичности языка). Согласно традиционной точке зрения, сформировавшейся во второй половине 19-го века и глубоко укоренившейся в русской лингвистике, полное прилагательное в роли сказуемого обозначает постоянный, неограниченный во времени признак предмета (подлежащего), тогда как краткая форма относится к непостоянности признака, т. е. указывает на признак, свойственный предмету в течении определенного, ограниченного периода (ср. Котов 2014; Акимова и др. 2009; Борковский, Кузнецов 2006: 338; Vasilj и др. 2022). Иными словами, сторонники этой теории утверждают, что в русском языке обнаруживается семантико-синтаксическое противопоставление предикативных кратких и полных прилагательных на основе оппозиции постоянство / непостоянство признака (напр. *Он болен.* / *Он больной.*; *Мой брат зол.* / *Мой брат злой.*) (ср. Котов 2014). Однако, достаточно будет привести оппозицию *Я голоден.* / *Я голодный.*, чтобы доказать тот факт, что данная семантическая разница присутствует не у всех прилагательных. Также поднимается существенный вопрос: насколько это

противопоставление заметно и ощутимо для самых носителей русского языка?¹³ (там же, см. и Gvozdev 1962). Из этого примера (и ряда других, приведенных Котовым) следует, что противопоставление предикативных прилагательных по признаку постоянно / непостоянно неустойчиво, подвижно и относится не ко всем прилагательным, так что, согласно второй точке зрения, и полные и краткие формы прилагательных на самом деле могут обозначать любой признак (постоянный и непостоянный). Доказательства против традиционной теории приводит и Гансен (2004), напр., употребление краткой формы в предложении *Человек смертен.*, которая очевидно в данном контексте выражает постоянный признак. Следовательно, можно сказать, что в современном русском языке нет семантической оппозиции, которая могла бы стопроцентно объяснить употребление форм прилагательных в составе именного сказуемого (Hansen 2004).¹⁴

Наконец, кажется, что в качестве главной разницы между двумя формами прилагательных в предикативной функции выделяется их стилистическая окрашенность. Известно, что краткие формы предпочитают в официальной, научной и книжной речи, а также часто являются частью сентенций, афоризмов и фразеологизмов, в то время как в разговорной речи заметна тенденция к ограничению их употребления и распространению полных форм (Krneta 2010; см. и Ковтунова и др. 2002). Краткие формы (напр. *Наша жизнь коротка.*) обычно поднимаются стиль и обладают большей выразительностью и экспрессивностью, чем полные (напр. *Наша жизнь короткая.*). Поэтому в тех случаях, когда употребление той или иной формы прилагательного не является обязательным (синтаксически обусловленным), оно часто будет основываться в первую очередь на стилистических причинах (Krneta 2010). Из этого видно, что две формы прилагательных в современном русском языке отличаются друг от друга не только морфологическими признаками (словообразовательные аффиксы) и синтаксическими функциями, а также стилистической окраской (как и в хорватском языке, см. 5.3.).

---

¹³ Сходным вопросом зададимся и при изучении значения (не)определенности в рамках современных хорватских прилагательных – если семантическая разница, о которой традиционно говорят грамматики, существует, как она на самом деле осуществляется в живой речи, и очевидна ли она носителям хорватского языка? (см. 5.2., 5.3.).

¹⁴ Некоторые считают, что кроме форм прилагательных для обозначения (не)постоянства признака в русском и хорватском языках служит и оппозиция между предикативным именительным и творительным падежами (напр. *Он был солдат. / Он был солдатом.*) (см. Brač 2018: 144; Vasilj и др. 2022).

Итак, в современном русском языке употребление кратких форм довольно ограничено: они используются только в составе сказуемого (за исключением устойчивых выражений), все больше уходят из разговорной речи (больше всего фиксируются в письменных текстах), и даже притяжательные прилагательные в косвенных падежах все чаще встречаются в полных формах. Кроме того, некоторые прилагательные вообще не имеют полную форму (напр. относительные), а иногда между краткой и полной формами видна разница в значении (болен – больной; жив – живой).

Из всего этого следует, что современные русские полные прилагательные относятся к последней, третьей фазе жизненного цикла артикля – связь с категорией (не)определенности полностью потеряна, полные формы вытесняют краткие, употребление обеих форм сводится к чистой синтаксической функции и свобода использования той или иной формы часто оказывается ограниченной (краткие формы невозможны в определении) (ср. Hansen 2004; см. и Lehmann 2015). Гиро-Вебер (1996: 66) отмечает, что современное употребление прилагательных в русском языке не обладает никакой внутренней связью и логикой. Следовательно, невозможно говорить о любых четких и устойчивых семантических различиях между двумя формами.

5. Краткие и полные прилагательные в хорватском языке

5.1. Исторический путь кратких и полных прилагательных

Во вводной части работы (см. 1.1.) мы уже подчеркнули, что в хорватском и сербском языках о категории (не)определенности чаще всего говорится в контексте противопоставления кратких и полных прилагательных, которые в соответствии со своей функцией и значением (согласно традиционным грамматическим взглядам, которые живут и в новейших справочниках) называются неопределенными и определенными (хорв. *neodređeni i određeni pridjevi*, *neodređeni i određeni pridjevski vid*). В предыдущей части мы видели, что в современном русском языке оппозицию двух форм прилагательных больше невозможно связать со значением (не)определенности из-за полной утраты первоначальных семантических характеристик оппозиции. Поскольку в истории хорватского и русского языков (а также практически всех остальных славянских языков) можно обнаружить некоторые сходные тенденции развития данной оппозиции, возникает вопрос о потенциальном пересмотре традиционного подхода к ее изучению в хорватской лингвистике, в которой семантика кратких и полных форм очень долго считалась вещью само собой разумеющейся.

При изучении истории хорватских и сербских прилагательных мы сталкиваемся с проблемой недостаточного количества научных исследований, занимающихся диахроническим аспектом языка, поэтому у нас нет четкого представления о языковых процессах до конца 19-го и начала 20-го веков (ср. Hansen 2004), т. е. периода стандартизации. Однако, можно отметить, что уже средневековые памятники 14-го века указывают на состояние упадка употребления кратких форм (там же; см. и Milas 2013: 13), и это особенно заметно не на территории штокавских диалектов, ставших основой современного стандартного языка, а в основном в текстах кайкавских и чакавских диалектов как более консервативных систем. По-разному развивались и разные части штокавской территории как самой распространенной группы говоров: в западных и центральных диалектах краткие формы использовались намного дольше и чаще, чем в восточных диалектах.¹⁵ В кайкавских и чакавских говорах (и в меньшей степени в

---

¹⁵ Это можно связать и с ситуацией в современных новоштокавских языках – хорватском (развившимся на основе западных диалектов) и сербском (развившимся на основе восточных диалектов). Несмотря на тот факт, что краткие прилагательные в современном хорватском языке используются все реже (особенно в живой речи), анализ корпуса показывает их бóльшую частотность, чем в сербском языке (Karlić 2017: 84).

штокавских) довольно рано происходит утрата падежной парадигмы именных прилагательных (вместе с постепенным преобладанием местоименных форм) и потеря отличительных черт между двумя формами, в результате чего наблюдается их параллельное использование в предложении независимо от функции (ср. Kuzmić, Kuzmić 2015). Процесс уподобления двух типов склонения прилагательных в большинстве падежных форм (при заметной доминации местоименных форм, что характерно и для современного языка) закончился еще до 15-го века под влиянием нелитургических сборников, содержащих элементы не настолько архаичного народного языка (Mihaljević 2014: 100) (напр. последняя часть памятника под названием *Pariški kodeks* (приблизительно 1380 г.), в которой находятся народные религиозные песни).¹⁶ Об утрате первоначальной семантической оппозиции прилагательных (определенность / неопределенность) свидетельствует исследование Б. Кузмича (2001) на материале памятника *Senjski korizmenjak* (1508), язык которого представляет собой сочетание чакавских и церковнославянских элементов (церковнославянский извод хорватского языка) (см. и Milas 2013: 14). Исследование показывает, что самую значительную роль при выборе той или иной формы прилагательного играет как раз его синтаксическая функция внутри предложения. Перемещение акцента с семантической оппозиции на синтаксическую, как известно, было свойственно и прилагательным в древнерусском языке. В результате вышеупомянутых процессов краткая форма в современном хорватском языке употребляется гораздо реже, чем полная, но, в отличие от русского языка, ей удалось в определенной степени сохранить прежние синтаксические функции – она может являться как частью сказуемого, так и определением (как и в старославянском), в то время как полная форма в стандартном языке выступает только в качестве определения (но в диалектах она может находиться в составе сказуемого, напр. в кайкавском: *On je dobri.*) (см. дальше).

Хорватские справочники также больше настаивают на употреблении кратких прилагательных в официальной речи, часто называя употребление полных прилагательных аграмматичным даже в тех контекстах, в которых их ежедневно можно услышать в разговорном языке. Иногда употребление кратких форм (напр. *nema bratova kaputa* вместо *nema bratovog(a) kaputa*) описывается не как единственная правильная возможность, а только как элемент высшего стиля или стиля официального общения (напр. Barić и др. 2005; Marković 2012).

¹⁶ Влияние живой речи (народного языка) было характерно и для древнерусской системы прилагательных (см. 3.3.).

Несмотря на яркие показатели утраты первоначального значения кратких и полных прилагательных, многие современные ученые утверждают, что данная семантическая оппозиция все еще функционирует по-прежнему. Эта точка зрения была выдвинута основоположником славистики Добровским в начале 19-го века, назвавшем формы прилагательных определенными и неопределенными, и, по всей видимости, глубоко укоренилась среди исследователей штокавских (среднеюжнославянских) языков (ср. Hansen 2004; Mihaļjević 2014: 97). С другой стороны, более современные подходы, опираясь на новые анализы корпуса и аспектов употребления прилагательных в хорватском и сербском языках, пытаются опровергнуть такие гипотезы, причем некоторые даже с долей иронии говорят о данной оппозиции и поднимают вопрос о том, действительно ли она когда-то существовала в языке (напр. Marković 2010: 125; Marković 2012: 242; см. и Milas 2013: 14).

5.2. Традиционный подход к изучению кратких и полных прилагательных

В рамках традиционного подхода к изучению категории (не)определенности в хорватском языке обычно центральную точку представляет собой функция кратких и полных прилагательных, причем данная категория описывается как морфологизованная внутри их аффиксов. Иными словами, о формах прилагательных говорится как о примарных средствах выражения категории (не)определенности, т. е. речь идет в первую очередь о так называемой простой (не)определенности (хорв. *jednostavna (ne)određenost*), благодаря которой хорватский и сербский языки прямо связываются с языками с артиклями (Karlić 2013: 73). Соответственно, полные формы прилагательных указывают на определенность существительного, к которому относятся, а краткие формы указывают на неопределенность. Имея в виду ингерентную определенность некоторых прилагательных (напр. притяжательных), формально имевших только краткую («неопределенную») форму, сразу понятно, что ситуация не так проста.

Традиционный подход к проблематике зафиксирован в большинстве релевантных справочников по хорватскому языку второй половины 20-го и начала 21-го веков (напр.

Težak, Babić 1992¹⁷; Barić и др. 2005; Silić, Pranjković 2007). В них мы сталкиваемся с устойчивой терминологией (*određeni i neodređeni pridjevi; određena i neodređena deklinacija pridjeva*) и такими объяснениями, как: словосочетания *crven cvijet* и *žut cvijet* указывают на неизвестный из предыдущего контекста предмет, в отличие от противоположных им словосочетаний *crveni cvijet* и *žuti cvijet*, обозначающих точно определенные, из контекста легко узнаваемые предметы (Težak, Babić 1992: 100), или: прилагательное *visok* в словосочетании *visok stol* обозначает неопределенность предмета (стола), тогда как прилагательное *visoki* в словосочетании *visoki stol* обозначает определенный, известный участникам коммуникации предмет (Silić, Pranjković 2007: 134). Однако, надо учитывать и тот факт, что некоторые прилагательные имеют только одну форму, поэтому, как считается, (не)определенность предмета придется определить с помощью контекста (там же: 134–135). В тех случаях семантическая оппозиция утрачена (Barić и др. 2005: 179). Кроме того, в хорватской грамматике группы авторов (Barić и др. 2005: 174) отмечается, что краткие прилагательные, отвечающие на вопрос *который* (хорв. *koji?*), указывают на непостоянный признак предмета, тогда как полная форма, отвечающая на вопрос *какой* (хорв. *kakav?*), указывает на постоянный признак. Это объяснение дистрибуции форм прилагательных напоминает не полностью верные традиционные взгляды русской лингвистики на их предикативную функцию в русском языке (см. 4.2.).

Итак, несмотря на отступления от первоначальной функции кратких и полных прилагательных, доказанные новейшими анализами корпуса, в литературе о хорватском и сербском языках заметна тенденция к безусловному связыванию данной оппозиции с функцией примарного средства выражения категории (не)определенности (Karlić 2017: 69). Однако, новые исследования (в основном те, проведенные с начала текущего века) указывают на многочисленные недостатки традиционного понимания, подчеркивая, что оно вообще не отражает особенности современной языковой практики (ср. Hansen 2004; Karlić 2013; Karlić 2017; Zergollern-Miletić 2008).

---

¹⁷ Речь идет, наверное, об одной из самых известных хорватских грамматик, переживших даже 18 изданий на протяжении второй половины 20-го и начала 21-го веков (больше об этом и других важных грамматиках хорватского языка в Pasini 2021).

5.3. Современное понимание функции кратких и полных прилагательных

Лингвисты не согласны в связи с вопросом выражения категории (не)определенности в хорватском и сербском языках (даже спорят о том, существует ли она, а если да, каким образом осуществляется). Большую проблему представляет собой и неадекватная терминология, а также, как мы подчеркнули во вводной части, самое толкование грамматической категории и его отношение к другим близким категориям. Но эта проблематика, конечно, свойственна не только описанию (не)определенности в новоштокавских языках (Karlić 2013: 78–79; см. 1.1.). Самая очевидная проблема заключается в устойчивых терминах, обозначающих средства выражения категории (определенные и неопределенные прилагательные), которые указывают на определенность или неопределенность самого прилагательного. Конечно, если говорим об определенном или неопределенном, прежде всего говорим о характеристике того, что обозначено существительным, описываемым прилагательным, а не о характеристике самого прилагательного (Karlić 2017; Marković 2012). Вторая, ключевая проблема относится к особенностям употребления полных и кратких прилагательных в современном языке. Анализом корпуса хорватского и сербского языков Карлич (2017) приходит к выводу, что употребление форм прилагательных показывает немалое количество отступлений от первоначальной семантики, а также происходит формальное (морфологическое) уподобление двух типов склонения. Опираясь на результаты опроса одного из первых исследований, опровергнувших традиционные гипотезы (Zergollern-Miletić 2008), которое доказало, что употребление кратких и полных прилагательных в хорватском языке не основывается на семантической разнице и в коммуникации не играет роль дифференциации, Карлич (2017: 83; 2013: 73–74) утверждает, что в современной языковой практике просто невозможно найти достаточное количество валидных аргументов, обосновывающих традиционный подход. В результате совпадения двух типов склонения на формальном плане краткая форма все больше исчезает, так что выбор той или иной формы не может считаться достоверным отражением их семантико-прагматических свойств (Karlić 2013: 75). Обе формы могут использоваться только в функции определения, поэтому оппозиция определенность / неопределенность могла бы идеально функционировать только у атрибутивных прилагательных. Но употребление краткой формы в определении является как правило необязательным, неустойчивым, непоследовательным, редким (в сербском языке даже реже, чем в хорватском) и обычно в сознании носителей языка связывается с более

высоким, торжественным стилем (напр. *Za kratka života čovjek se nagleda svega. / Za kratkog(a) života čovjek se nagleda svega*). Поэтому можно сказать, что две формы прилагательного чаще всего воспринимаются только как свободные или стилистические разновидности (Karlić 2017: 83). Маркович (2012: 310) считает, что и те, которые как бы ощущают семантическую разницу, к ней искусственно приучены. Исчезновение семантической оппозиции на основе анализа употребления прилагательных среди учеников начальной школы комментирует и Милас (2013), который заметил, что после того, как ученики проходили лекции о кратких прилагательных, они начали больше ими пользоваться, а до того они употребляли их совсем редко. Кроме того, некоторые прилагательные, как и в русском языке, не имеют либо краткую либо полную форму, иногда разницу между формами можно считать лексической (*sunčan dan – sunčani sat*, англ. *sunny / solar*) и краткая форма является единственно возможной в предикативной функции (Hansen 2004). Поэтому можно утверждать, что хорватский и сербский языки движутся в том же направлении, что и русский – к полной утрате примарной (не)определенности (если они уже не достигли этой точки) и доминанции полных форм и местоименного склонения прилагательных (влияние разговорного языка) (ср. Karlić 2017: 84). По сравнению со старославянским языком, краткие прилагательные в хорватском и сербском действительно претерпели серьезные изменения, но не настолько радикальные как в русском. Заметив некоторые стабильные образцы употребления краткой формы в подлежащем и дополнении,¹⁸ Гансен (2004) считает, что связь с первоначальным значением не полностью утрачена, но все указывает на переход оппозиции кратких и полных прилагательных к функции маркера поздней второй стадии жизненного цикла, поскольку обнаруживается все больше отступлений от регулярного функционирования артикля. Так как границы между фазами нечетки, современное состояние наверняка могло бы быть отнесено и к третьей стадии цикла (Karlić 2017). Следовательно, в современных западно-южнославянских языках существуют только остатки флективной индикации (не)определенности прилагательных (там же: 64–65).

Учитывая все это, Маркович (2012), описывая прилагательные как часть речи в хорватском языке, как одну их основных грамматических категорий хорватских

---

¹⁸ Между прочим, некоторые сторонники современных взглядов на вопрос функции форм прилагательных утверждают, что, несмотря на утрату полной формой прежнего значения определенности, краткая форма в хорватском языке все еще выражает неопределенность (Karlić 2017: 83). Однако, такие рассуждения сомнительны и их доказать непросто.

прилагательных приводит не (не)определенность, а тип склонения (местоименное, именное и так называемое Ø-склонение, т. е. несклоняемые прилагательные¹⁹) (см. 1.2.) как особое явление, характерное для славянских и балтийских языков. Притом подчеркивает, что семантической разницы между формами нет и даже выдвигает гипотезу, что данная оппозиция, может быть, никогда в истории языка не функционировала. Выбор той или иной формы в современном языке основывается на словообразовательных характеристиках и синтаксической функции прилагательного. Краткие прилагательные являются частью именного сказуемого (напр. *Dječak je dobar.*), используются в атрибутивной функции в комбинации со словами *jako, tako, vrlo, veoma* (напр. *vrlo dobar dječak*) и в высоком стиле в функции предикативного атрибута (напр. *Vidio sam dječaka ranjena.*)²⁰ и как часть конструкции родительного падежа со значением качества (напр. *dječak dobra karaktera.*)²¹ С другой стороны, полные прилагательные обязательно появляются в атрибутивных словосочетаниях с указательным и притяжательным местоимением (напр. *ovaj dobri dječak*), а также как часть названия или термина устойчивой (окаменелой) формы (напр. *Stari zavjet, Ivan Grozni*) (больше об этом в Marković 2012: 309 и дальше). Во многих падежных формах оппозиция между краткими и полными прилагательными в результате вышеупомянутого совпадения

---

¹⁹ Несклоняемые прилагательные (напр. *super, kul, top*), которые в большинстве случаев являются заимствованными и не обладают склоняемыми морфологическими показателями того или иного типа склонения (т. е. во всех падежах имеют окончание -Ø), но все-таки нормально функционируют в хорватском языке (и их число постоянно увеличивается под влиянием английского языка), тоже свидетельствуют о том, насколько тип склонения является неважным при выражении (не)определенности. Его бывшую роль на себя берут вторичные средства и контекст.

²⁰ В то время как в официальной речи предпочитают краткие формы, в живой речи в качестве предикативного (секундарного) атрибута обычно выступают полные прилагательные (напр. *Vidio sam dječaka ranjenog(a).*). Прилагательные в функции предикативного атрибута являются уже отдельной темой, которую в этой работе не будем затрагивать. Отметим только, что в русском языке, в отличие от хорватского, прилагательные в этой функции всегда находятся в полной форме (краткая форма несклоняема) в падеже дополнения, к которому относятся, или творительном падеже. Больше о предикативном атрибуте в русском и хорватском языках в Найдич, Павлова 2021, Sesar 2013, Marković 2010, Bailyn 2012, Vasilj и др. 2022.

²¹ В разговорном стиле совсем приемлемой и более нейтральной является конструкция с полной формой (*dječak dobrog(a) karaktera.*).

типов склонения (см. 5.2.) не существует²² и в основном преобладают окончания местоименного склонения. В некоторых случаях роль дифференциации играет ударение (полные формы всегда имеют постударный долгий слог), которое в современном языке не очень четко слышно и понятно всем носителям языка (особенно носителям нештокавских диалектов) (там же; см. и Matasović 2008; Vukušić и др. 2007).

Несмотря на то, что хорватская лингвистика все еще твердо настаивает на семантическом противопоставлении кратких и полных прилагательных, современный подход указывает исключительно на синтаксические и стилистические аспекты оппозиции. Это совсем не значит, что хорватский и сербский языки потеряли категорию (не)определенности, просто акцент с примарных средств ее выражения постепенно перемещается на вторичные средства (напр. неопределенные и указательные местоимения), языковой и внеязыковой контекст. Кроме того, в русском и хорватском языках элементы развития в потенциальный будущий примарный маркер неопределенности показывает числительное *один (jedan)* (Marković 2012), которое недвусмысленно указывает на неопределенность предмета (в отличие от кратких прилагательных):

1) Vidio sam lijépu ženu.	1) *Я увидел красиву женщину.
2) Vidio sam lijêpū ženu.	2) Я увидел красивую женщину.
3) Vidio sam jednu lijepu ženu.	3) Я увидел одну красивую женщину.

Первое предложение содержит атрибутивное прилагательное краткой формы, которое по традиционным взглядам должно указывать на неопределенность описываемого предмета или лица (женщины). Так как краткие прилагательные в роли определения в русском языке невозможны, конечно, такая конструкция является неправильной. Во втором предложении находится полное прилагательное, которое в хорватском языке формально совпадает с кратким (в результате стяжения гласных), но отличается от него ударением. Оно должно указывать на определенность существительного. Сразу возникает вопрос, насколько действительно эта разница в ударении слышна среднему носителю хорватского языка и связывает ли он эту разницу

²² Формальная оппозиция существует в мужском роде во всех падежах единственного числа кроме творительного и в среднем роде в родительном, дательном и предложном падежах ед. ч. В женском роде все падежные формы кратких и полных прилагательных формально совпадают (Marković 2012: 314).

с (не)определенностью существительного. Нам кажется, что большинство носителей языка такой разницы не заметит. Зато числительное *odin (jedan)* в третьем предложении в обоих случаях несомненно связано со значением неопределенности и неизвестности.

Если придерживаться традиционной точки зрения, надо обратить внимание на тот факт, что не каждое полное прилагательное выражает определенность и не каждое краткое выражает неопределенность. В качестве примера можно привести и указательные местоимения *ovakav, takav, onakav*, которые обладают ингерентной определенностью (указательное местоимение указывает на точно определенный предмет), но склоняются по «неопределенному» склонению, или слово *jedan*, которое, как мы видели раньше, связано с неопределенностью, но склоняется как «определенное» прилагательные. Иногда непонимание и упрощение оппозиционных отношений даже доводит до абсурда, в котором совсем правильные грамматические конструкции называются неправильными, напр. И. Брабец (1984) конструкцию типа *jedan lijepi dječak* (ср. с вышеприведенной конструкцией *ovaj dobri dječak*) трактует как аграмматичную, объясняя это тем, что «определенное» прилагательное *lijepi* никак не может сочетаться с дополнительными словами, указывающими на неопределенность существительного (*jedan*). Правильным называет только словосочетание с краткой формой *lijep dječak*, которое как бы выражает неопределенность. Но самое появление неопределенного слова *jedan* в речевой практике указывает на то, что краткое прилагательное больше не выполняет свою прежнюю функцию, т. е. при выражении неопределенности является недостаточным. Из этого следует, что иногда хорватские справочники вместо систематичного изучения и описывания современного состояния языка, опираясь на непросмотренные традиционные взгляды, пытаются «насильственно» изменить актуальную языковую практику.

Понятно, что хорватская лингвистика трудно освободится устойчивых терминов, но из-за своей неадекватности они часто вызывают путаницу. Поскольку, согласно вышеприведенным утверждениям, хорватский язык все больше приближается положению русского языка, т. е. этапу развития, в котором исчезнет любая связь оппозиции полных и кратких прилагательных со значением (не)определенности, полезно бы было подумать о введении в научный оборот новых терминов по русской модели. Новые термины отчасти уже заметны в работах некоторых исследователей, сторонников новых взглядов на этот вопрос (напр. *kratki i dugi pridjevi* или *kratka i duga pridjevska forma* у Карлич, *kraći i duži oblici pridjeva* у Миласа).

6. Сопоставление форм прилагательных в современном русском и хорватском языках

В третьей и четвертой частях работы мы изучали специфику развития оппозиции кратких и полных прилагательных в истории русского языка, тогда как в пятой части мы коротко рассмотрели эквивалентные языковые процессы в истории хорватского языка, причем в этих двух языках мы обнаружили некоторые сходности в эволюции категории (не)определенности, зародившейся в их языке-предке (глава 2). Кроме заметных сходностей (тенденция к доминации полной формы и местоименного типа склонения в результате воздействия живой речи, очевидные элементы нарушения первоначальной семантики оппозиции и перемещение акцента на синтаксическую функцию, ограниченное употребление той или иной формы в определенных семантико-синтаксических контекстах, сходное «поведение» относительных и притяжательных прилагательных и пр.), в развитии оппозиции в двух отдельных славянских языках после распада славянского единства можно увидеть и некоторые различия, относящиеся к нынешней синтаксической функции форм прилагательных по отношению к прежней – хорватский язык в этом смысле претерпел менее серьезные изменения, так как в нем краткая форма все еще склоняема и выступает в качестве определения, но, с другой стороны, в результате фонетических изменений, не осуществившихся в русском языке (стяжение), в хорватском произошло уподобление двух типов склонения, т. е. многие краткие и полные формы формально совпали друг с другом, поэтому фундаментальным элементом при их различении стало ударение. В этой главе мы попытаемся объединить информацию, представленную в предыдущих главах работы, и вкратце сравнить современные русские и хорватские прилагательные в связи с их особенностями на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и стилистическом уровнях (попутно мы упомянем и семантический уровень, но, как известно, в результате вышеописанного процесса утраты первоначального значения оппозиции, т. е. связи с категорией (не)определенности, и приближения полного прилагательного в роли артикля к концу жизненного цикла в современных языках он больше не является настолько актуальным). Сжатый вариант сопоставления современных форм прилагательных в русском и хорватском языках по вышеприведенным признакам находится в таблице на следующей странице.

	Русский	Хорватский
УДАРЕНИЕ	<p>- не играет роль дифференциации (морфологическая разница между формами)</p> <p><i>здоровая девочка – Девочка здорова.</i></p>	<p>- важный элемент дифференциации (морфологическое совпадение форм в некоторых падежных формах)</p> <p><i>zdrāvā djevojka – Djevojka je zdrava.</i></p>
МОРФОЛОГИЯ	<p>- краткая форма: род, число (несклоняема)</p> <p>- полная форма: род, число, падеж</p> <p>- КФ и ПФ формально отличаются друг от друга</p> <p><i>здоровый мальчик, нет здорового мальчика</i></p> <p><i>*здоров мальчик, *нет здорова мальчика</i></p>	<p>- краткая форма: род, число, падеж</p> <p>- полная форма: род, число, падеж</p> <p>- КФ и ПФ иногда формально совпадают</p> <p><i>zdravi dječak, nema zdravog(a) dječaka</i></p> <p><i>zdrav dječak, nema zdrava dječaka</i></p>
СИНТАКСИС	<p>- краткая форма: сказуемое</p> <p>- полная форма: сказуемое, определение</p> <p>- противопоставление форм только в сказуемом</p>	<p>- краткая форма: сказуемое, определение</p> <p>- полная форма: определение</p> <p>- противопоставление форм только в определении</p>
СТИЛИСТИКА	<p>- разница в стилистической окраске в сказуемом</p> <p><i>Наша жизнь на Земле (так) коротка.</i></p> <p><i>Наша жизнь на Земле короткая.</i></p>	<p>- разница в стилистической окраске в определении</p> <p><i>Za kratka života na Zemlji čovjek...</i></p> <p><i>Za kratkog(a) života na Zemlji čovjek...</i></p>
СЕМАНТИКА	<p>- связь с первоначальным значением (не)определенности полностью утрачена</p> <p>- третья фаза жизненного цикла</p> <p>- нет устойчивой семантической оппозиции между формами</p>	<p>- связь с первоначальным значением (не)определенности в большей степени утрачена, но не полностью</p> <p>- между второй и третьей фазами жизненного цикла (ближе к третьей)</p>

Итак, как видно из таблицы, морфологическое (формальное) противопоставление кратких и полных прилагательных в хорватском языке наблюдается в небольшом количестве форм (см. 5.3.), в то время как в русском языке морфологическая разница встречается во всех формах, т. е. в именительном падеже всех трех родов и обоих чисел (напр. *здоровый – здоров; здоровая – здорова; здоровое – здорово; здоровые – здоровы*). В результате несклоняемости кратких прилагательных в русском языке сохранилось меньше форм, чем в хорватском, так как в хорватском обе формы все еще используются в качестве определения, т. е. и краткие и полные прилагательные должны согласоваться в падеже с соответствующими существительными, играющими различные синтаксические роли (подлежащее, дополнение, обстоятельство) и появляющимися в различных падежных формах, в то время как русские краткие прилагательные, ограниченные предикативной функцией, согласуются в роде, числе и падеже только с подлежащим. С морфологическими характеристиками прилагательных связана и роль ударения. В хорватском языке оно часто помогает отличать краткую форму от полной (напр. *zdrāvā – zdràva; lijêpā – lijépa*). В русском языке ударение полных форм как правило отличается устойчивостью и находится либо на основе либо на окончании прилагательного во всех падежах (напр. *тíхий, тíхого, тíхому*) (см. 3.2.), тогда как ударение кратких форм нередко характеризуется колебаниями (напр. *тíх, тихá, тíхо; тíхи/тихí*), но оно никак не связано с дифференциацией двух форм (см. Ковтунова и др. 2002: 271–277). На синтаксическом уровне также обнаруживаются определенные различия: в хорватском языке более широкую синтаксическую функцию имеют краткие прилагательные, а в русском полные (снова напомним – прежде всего говорим о качественных прилагательных):

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ				
	русский		хорватский	
	определение	сказуемое	определение	сказуемое
краткая форма	- <i>*умен мальчик</i>	+ <i>мальчик – умен</i>	+ <i> pametan dječak</i>	+ <i>dječak je pametan</i>
полная форма	+ <i>умный мальчик</i>	+ <i>мальчик – умный</i>	+ <i>pametni dječak</i>	- <i>*dječak je pametni</i>

Следовательно, в русском языке более заметно отклонение от первоначальных синтаксических функций прилагательных, встречающихся в памятниках старославянской письменности, где семантическая оппозиция лучше всего функционировала. Но надо сказать, что сам старославянский язык создан на основе южнославянских говоров, поэтому, несмотря на то, что он оказал сильное (посредственное) влияние на древнерусский, он по происхождению на самом деле стоит бок о бок с хорватским языком. Причины различных синтаксических тенденций в развитии хорватского и русского языков не всегда ясны, но особенности развития кратких и полных прилагательных можно легко связать с тенденциями и современным состоянием в близких к ним языках. Краткие формы прилагательных лучше всего сохранились в западных южнославянских языках²³ и только в них могут выступать в качестве определения (конечно, их употребление является гораздо ограниченным по отношению к праславянскому и старославянскому) (Mihaljević 2014: 96), и это явление связывает хорватский язык со словенским,²⁴ сербским и боснийским. С другой стороны, в восточнославянских языках (украинском и белорусском) сегодня в роли сказуемого встречаем в основном только полные формы прилагательных (там же; Борковский, Кузнецов 2006: 342; см. и Vasilj и др. 2022), которые все больше преобладают и в русском языке, но в нем предикативные краткие прилагательные все-таки еще довольно часты по отношению к этим языкам. Эту тенденцию можно сравнить и с деградацией кратких форм в западнославянских языках (польском, словацком), в которых краткую форму даже невозможно назвать отдельной грамматической категорией, поскольку она содержится только в окаменелых лексических единицах (см. Hansen 2004).

Из таблицы на предыдущей странице видно, что дистрибуцией кратких и полных прилагательных отчасти управляют строгие синтаксические правила. В тех позициях, в которых употребление той или иной формы с точки зрения синтаксиса является свободным (предикативная позиция в русском и атрибутивная в хорватском; см. столбцы

---

²³ С другой стороны, современные восточные южнославянские языки (македонский, болгарский) по структуре являются аналитическими языками, следовательно они потеряли прежние образцы склонения прилагательных, но под влиянием остальных языков балканского союза они развили особый постпозитивный член как маркер категории (не)определенности, в котором зафиксированы и дейктические отношения (см. Karlić 2017: 66; Velupillai 2012: 412).

²⁴ Интересно, что в словенском языке после утраты противопоставления кратких и полных прилагательных и их первоначальной семантики с целью компенсации категории (не)определенности развился артикль, выполняющий схожие функции с членами в западноевропейских языках и греческом (см. Комарова 2021).

таблицы с двумя плюсами), а также нет никаких словообразовательных и других ограничений, две формы в обоих языках можно считать стилистическими разновидностями (см. 4.2., 5.3.), причем полную форму как более употребительную в разговорном языке можно определить как нейтральную, тогда как краткая содержит особый стилистический оттенок и является характерной для текстов высшего стиля. Несмотря на тот факт, что краткая форма потеряла прежнюю семантику и постепенно уходит из систем прилагательных хорватского и русского языков, она все-таки имеет свою современную роль, связанную в первую очередь со стилистикой и, вопреки закону языковой экономичности, оказавшему большое влияние на упрощение двух типов склонения славянских прилагательных, все еще удерживается в языке.

Путь к развитию данной стилистической оппозиции был открыт как раз после утраты семантической разницы, основывающейся на категории (не)определенности и глубоко пустившей свои корни в хорватской лингвистике. Хорватская лингвистика во многом опирается на западноевропейскую грамматическую традицию, в рамках которой синтаксические или стилистические аспекты языка редко представлялись как основные. Так как речь идет о языках богатой морфологии, главную роль в грамматических описаниях играл именно морфологический аспект (Marković 2010: 17), который и у хорватских лингвистов при изучении форм прилагательных выделяется как главный (их образование, значение их аффиксов, типы склонения), в то время как остальные релевантные языковые уровни остаются недовольно рассмотренными. В этом можно увидеть причины возникновения традиционного подхода к вопросу значения форм прилагательных и его существования до нашего времени. Однако, подводя итоги, еще раз отметим, что в русском и хорватском языках нет никакой устойчивой и стабильной семантической оппозиции, с помощью которой можно было бы объяснить современную дистрибуцию кратких и полных прилагательных.²⁵

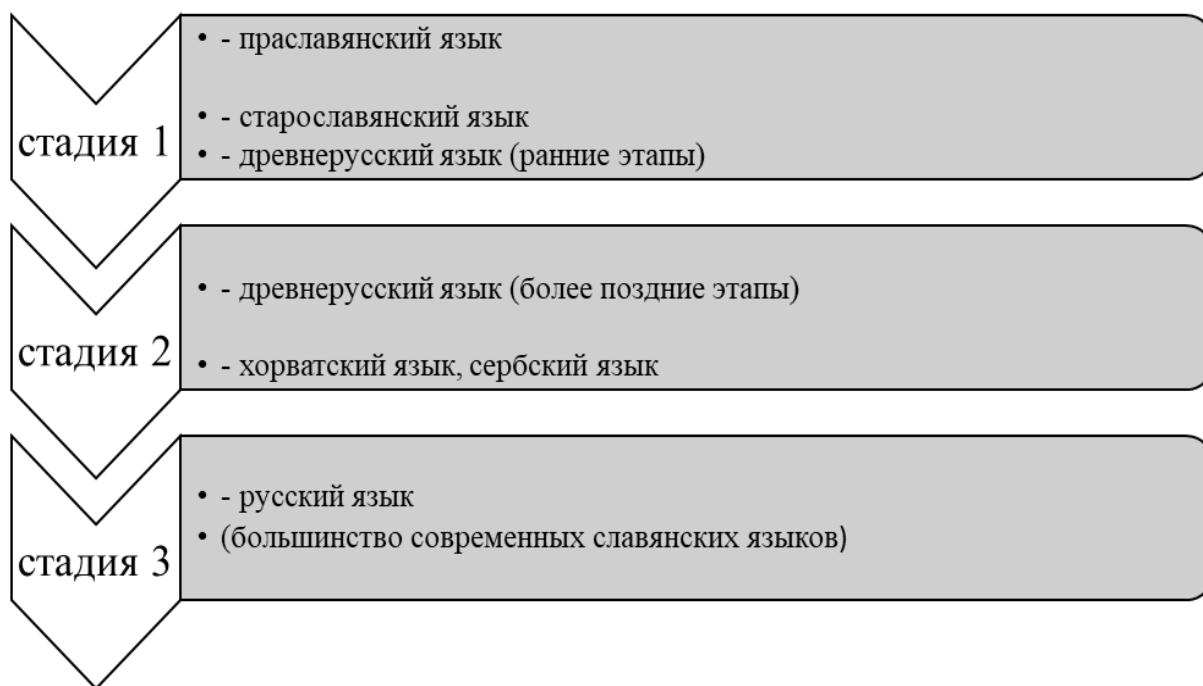
²⁵ Неплохо бы было подумать о проведении новых опросов среди носителей языка с целью узнать и более четко определить характеристики употребления двух форм прилагательных в современной языковой практике, но при этом полезно бы было сделать акцент на людях, не участвующих в административной, научной и публицистической общественных сферах, у которых нет навыков чтения текстов научного и книжного стилей, или людях, речь которых больше ориентирована на разговорный, более «низкий» стиль. Интересно бы было узнать их языковую интуицию при определении значения и функции форм прилагательных, не настолько «контаминированную» знаниями о грамматических правилах и «наученным» чувством языка.

7. Заключение

В настоящей работе мы занимались эволюцией кратких и полных прилагательных как примарных маркеров категории (не)определенности в русском и хорватском языках, рассматривая данную семантическую оппозицию с точки зрения концепции трехэтапного жизненного цикла артикля Дж. Гринберга. Предпосылки для возникновения примарной (не)определенности в праславянском языке (следовательно, и во всех славянских языках) были созданы благодаря образованию полных форм прилагательных, т. е. сочетанием формы именного прилагательного и указательного местоимения *i (jъ), ja, je*, имеющего функцию, подобную функции определенного члена в западноевропейских языках. С этого момента начинается жизненный цикл славянского артикля, слившегося с основой именного прилагательного и ставшего суффиксом-носителем грамматической категории определенности. Семантическое противопоставление форм прилагательных в старославянском языке являлось довольно последовательным, а то же самое можно сказать о ранних этапах развития отдельных славянских языков, особенно памятниках, отражающих более архаичный язык. Однако, на протяжении истории русского и хорватского языков, как мы показали, происходят серьезные нарушения функционирования оппозиции, которые можно посредственно и непосредственно объяснить процессами на разных языковых уровнях (и они в славяноведении нередко вызывают неоднозначные и противоположные трактования). Как мы видели, в развитии хорватской и русской систем прилагательных обнаруживаются и некоторые похожие элементы и некоторые различия, но в обоих языках можно заметить тенденцию к приближению примарного маркера (не)определенности к концу жизненного цикла (несмотря на то, что хорватская лингвистика не так легко мирится с этим фактом), т. е. стадии, в которой связь со значением (не)определенности полностью утрачена и артикль проходит через конечные фазы процесса грамматикализации, становясь носителем синтаксической функции (но в этом смысле хорватский и сербский языки все-таки развиваются медленнее, чем русский) (ср. Hansen 2004) (ср. схема на следующей странице). Иначе говоря, вопреки тому, что первоначальная семантическая оппозиция довольно рано показала себя слабой и в конце практически полностью исчезла, две формы прилагательных (или два типа склонения прилагательных) как особенность славянских и балтийских языков все еще существуют в русском и хорватском языках (в более «скромном» виде), но они приобрели совсем новую функцию – синтаксическую (ср. Šajkevič 2020: 124), на которую

акцент был перемещен еще в средневековых русских и хорватских памятниках. Кроме того, в современных языках при дистрибуции форм ключевой является и их стилистическая окрашенность.

стадия 1 – правильная функция артикля, выражение (не)определенности
стадия 2 – элементы нарушения правильной функции, новые функции артикля
стадия 3 – полная утрата первоначальной функции, грамматикализация

Оппозиция кратких и полных прилагательных действительно сыграла важную роль в истории славянских языков, напр., при становлении прилагательного как самостоятельной части речи (до возникновения полных форм прилагательные отличались от существительных только синтаксической функцией и семантикой, а не морфологически, т. е. формально) (ср. морфологический этап развития прилагательного, Иконникова 2011; см. и Колесов 2010). В конце концов, несмотря на утрату ее исходной функции, т. е. примарных («специальных») средств выражения категории (не)определенности в русском и хорватском языках, нельзя утверждать, что в этих языках данной категории больше нет, так как бывшую функцию оппозиции на себя взяли различные вторичные (языковые) средства и внеязыковой контекст (напр. мимика, жесты). Следовательно, согласно Маштаковой (2005), категорию (не)определенности в современном русском языке (но и в хорватском) можно назвать более «скрытой», она «выражается целым комплексом взаимодействующих средств, принадлежащих разным языковым ярусам и функционирующих в тесной взаимосвязи друг с другом».

8. Литература

- [1] Акимова, Галина Николаевна; Вяткина, Светлана Вадимовна; Казаков, Владимир Павлович; Руднев, Дмитрий Владимирович (2009) *Синтаксис современного русского языка*. Ред. Светлана Вадимовна Вяткина. Москва: Академия.
- [2] Аверина, Светлана Андреевна; Навтанович, Людмила Михайловна; Попов, Михаил Борисович и др. (2013) *Старославянский язык: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- [3] Борковский, Виктор Иванович; Кузнецов, Петр Саввич (2006) *Историческая грамматика русского языка*. 3-е издание. Москва: КомКнига.
- [4] Валгина, Нина Сергеевна (1973) *Синтаксис современного русского языка. Учебник для вузов*. Москва: Высшая школа.
- [5] Елкина, Нина Максимовна (1960) *Старославянский язык. Учебное пособие для студентов филологических факультетов, педагогических институтов и университетов*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.
- [6] Ефремова, Инна Николаевна; Белкова, Татьяна Михайловна (2017) *Способы выражения категории определенности / неопределенности в русском и французском языках* в: Научно-методический электронный журнал «Концепт», Т. 28 (с. 27–30). e-koncept.ru/2017/770678.htm (30 января 2022 г.)
- [7] Гиро-Вебер, Маргерит (1996) *Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке* в: *Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность* (с. 65–78). Ред. Александр Владимирович Бондарко. Санкт-Петербург: Наука.
- [8] Горшкова, Клавдия Васильевна; Хабургаев, Георгий Александрович (1981) *Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие для университетов*. Москва: Высшая школа.
- [9] Грицкевич, Юлия Николаевна (2003) *Историческая грамматика русского языка: пособие для студентов заочного отделения*. Псков: Псковский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова.

- [10] Иконникова, Ольга Николаевна (2011) *Диахрония категории имени прилагательного (на материале языков разных систем)*. Диссертационная работа. Пятигорск: Таганрогский государственный педагогический институт.
- [11] Киржаева, Вера Петровна (2010) *Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие*. Саранск: Издательство мордовского университета.
<https://eclass.uoa.gr/modules/document/file.php/SLAVSTUD267/%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B0%20%D0%92.%D0%9F.%20%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%20%28%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%201%29.pdf> (30 января 2022 г.)
- [12] Ковтунова, Ирина Ильинична; Кручинина, Ирина Николаевна; Лопатин, Владимир Владимирович; Шведова, Наталия Юльевна (2002) *Краткая русская грамматика*. Ред. Наталия Юльевна Шведова, Владимир Владимирович Лопатин. Москва: РАК, Институт русского языка им. В. В. Виноградова.
- [13] Колесов, Владимир Викторович (2010) *Историческая грамматика русского языка. Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- [14] Комарова, Ксения Игоревна (2021) *Краткие и полные формы прилагательных в переводах Нового завета на старославянский язык и язык словенской книжности XVI в.* в: *Litera* № 8. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36155 (30 января 2022 г.)
- [15] Константинова, Людмила Анатольевна; Гончарова, Наталия Николаевна; Жукова, Анна Николаевна; Николаев, Александр Михайлович; Щенникова, Елена Петровна (2011) *Грамматика русского языка. Учебное пособие по русскому языку для студентов-иностранцев*. Ред. Людмила Анатольевна Константинова. Москва: Флинта, Наука.
- [16] Котов, Андрей Александрович (2014) *Семантическое противопоставление полных и кратких предикативных прилагательных в русском языке* в: *Ученые записки*

Орловского государственного университета № 5 (61) (с. 235–242). Орел: Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.

[17] Кулева, Анна Сергеевна (2017) *История усеченных прилагательных в языке русской поэзии*. Москва – Санкт-Петербург: Нестор-История.

[18] Курилович, Ежи (1969) *Флексии прилагательного в балтийском и славянском* в: Вопросы языкознания №3 (с. 3–11). Москва: Наука.

[19] Маросевич, Радмило (1981) *Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных* в: Вопросы языкознания № 5 (с. 106–118). Москва: Наука.

[20] Маштакова, Марина Вячеславовна (2005) *Определенность-неопределенность в русском и французском языках: значения, функции и способы выражения*. Диссертационная работа. Москва: Российский университет дружбы народов.

[21] Найдич, Лариса Эриковна; Павлова, Анна Владимировна (2021) *Предикативный атрибут в русском языке. Грамматика, семантика, пунктуация* в: Язык и метод 7 (Język i metoda 7: Język rosyjski w badaniach lingwistycznych XXI wieku) (с. 245–259). Ред. Dorota Szumska, Krzysztof Ozga. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.

[22] Сабитова, Зинаида Какбаевна (2014) *Историческая грамматика русского языка. Учебное пособие*. Москва: Флинта.

[23] Углева, Ирина Владимировна (2006) *О способах выражения категории определенности/неопределенности в современном русском языке* в: Вестник Югорского государственного университета, выпуск 5 (с. 125–127). Югорск: Югорский государственный университет.

[24] Шахматов, Алексей Александрович (1957) *Историческая морфология русского языка*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.

[25] Щеглова, Ольга Георгиевна (2013) *Историческая грамматика русского языка – курс лекций*. Новосибирск: Новосибирский государственный университет.

[26] Bailyn, John Frederick (2012) *The Syntax of Russian*. New York: Cambridge University Press.

- [27] Barić, Eugenija; Lončarić, Mijo; Malić, Dragica; Pavešić, Slavko; Peti, Mirko; Zečević, Vesna; Znika, Marija (2005) *Hrvatska gramatika*. 4. izdanje. Zagreb: Školska knjiga.
- [28] Brabec, Ivan (1984) *100 jezičnih savjeta*. Zagreb: Školske novine.
- [29] Brač, Ivana (2018) *Instrumental u hrvatskom jeziku*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- [30] Damjanović, Stjepan (2003) *Staroslavenski jezik*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.
- [31] Franks, Steven (1995) *Parameters of Slavic Morphosyntax*. New York – Oxford: Oxford University Press.
- [32] Greenberg, Joseph Harold (1978) *How does a language acquire gender markers?* u: *Universals of Human Language 3* (str. 47–82). Stanford: Stanford University Press.
- [33] Gvozdev, Aleksandr Nikolayevich (1962) *Modern Russian literary language. Part 1. Phonetics and morphology*. 2nd edition. Moskva.
- [34] Hamm, Josip (1958) *Staroslavenska gramatika*. Zagreb: Školska knjiga.
- [35] Hansen, Björn (2004) *The Life Cycle of a Definiteness Marker: The Long and Short Form of the Adjective in Old Church Slavonic, Russian, Serbian and Croatian* u: *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*, sv. 47, br. 1–2 (str. 51–73). Ur. Aleksandar Mladenović i dr. Novi sad: Matica srpska, Odeljenje za književnost i jezik.
- [36] Kagan, Olga (2013) *Semantics of Genitive Objects in Russian: A Study of Genitive of Negation and Intensional Genitive Case*. Dordrecht – Heidelberg – New York – London: Springer.
- [37] Karlić, Virna (2013) *Teorijski pristupi određenosti i neodređenosti u hrvatskom i srpskom jeziku* u: *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim III.*, ur. Dubravka Sesar (str. 67–79). Zagreb: FF press.
- [38] Karlić, Virna (2017) *(Ne)određenost: Sredstva i načini izražavanja u hrvatskom i srpskom književnom jeziku*. Zagreb: FF press.
- [39] Kurz, Josef (1966) *K problematice funkční geneze a původního významu slovanských složených adjektiv* u: *Slavica Pragensia 8* (str. 43–52). Praha: Univerzita Karlova.

- [40] Kuzmić, Boris (2001) *Pridjevni vid u hrvatskoj jezičnoj starini; raščlamba građe iz Senjskog korizmenjaka 1508.* u: *Suvremena lingvistika*, sv. 51–52, br. 1–2 (str. 113–122). Zagreb: Hrvatsko filološko društvo.
- [41] Kuzmić, Boris; Kuzmić, Martina (2015) *Povijesna morfologija hrvatskoga jezika.* Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.
- [42] Krneta, Vesna (2010) *Синтаксические функции полных и кратких форм прилагательных в русском языке* u: *Croatica et Slavica Iadertina*. Zadar: Sveučilište u Zadru.
- [43] Lehmann, Christian (2015) *Thoughts on grammaticalization.* 3rd edition (Classics in Linguistics 1). Berlin: Language Science Press.
- [44] Lyons, Christopher (1999) *Definiteness.* Cambridge: Cambridge University Press.
- [45] Marković, Ivan (2008) *Posvojni pridjev kao antecedent relativnoj zamjenici* u: *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 34, 1 (str. 239–253). Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- [46] Marković, Ivan (2010) *Uvod u pridjev.* Zagreb: Disput.
- [47] Marković, Ivan (2012) *Uvod u jezičnu morfologiju.* Zagreb: Disput.
- [48] Matasović, Ranko (2008) *Poredbenopovijesna gramatika hrvatskoga jezika.* Zagreb: Matica hrvatska.
- [49] Mihaljević, Milan (2014) *Slavenska poredbena gramatika. 2. dio: Morfologija, Prozodija, Slavenska pradomovina.* Zagreb: Školska knjiga.
- [50] Milas, Mate (2013) *Uporaba određenih i neodređenih pridjevskih oblika u hrvatskome jeziku i poduka o njima u nastavi hrvatskoga jezika* u: *Hrvatski*, god. XI, br. 1 (str. 9–24). Zagreb: Hrvatsko filološko društvo.
- [51] Pasini, Dinka (2021) *Gramatika i pravopis od Drugog svjetskog do Domovinskog rata* u: *Predmet: Hrvatski* (str. 142–146). Ur. Ana Čavar, Lahorka Plejić Poje. Zagreb: FF press.
- [52] Pudić, Jelena (2015) *Otvorena pitanja pridjeva u hrvatskome standardnom jeziku.* Diplomski rad. Pula: Sveučilište Jurja Dobrile u Puli.

- [53] Sesar, Dubravka (2013) *Apozicija i predikatni atribut u sintaktičkoj raščlambi pojedinih slavenskih jezika* u: *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim III.*, ur. Dubravka Sesar (str. 95–112). Zagreb: FF press.
- [54] Silić, Josip; Pranjković, Ivo (2007) *Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta*. Drugo izdanje. Zagreb: Školska knjiga.
- [55] Song, Jae Jung (2018) *Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press.
- [56] Šajkevič, Anatolij Janovič (2020) *Uvod u lingvistiku*. Prev. Petar Vuković. Zagreb: Disput.
- [57] Težak, Stjepko; Babić, Stjepan (1992) *Gramatika hrvatskoga jezika: priručnik za osnovno jezično obrazovanje*. 8., popravljeno izdanje. Zagreb: Školska knjiga.
- [58] Vasilj, Darko; Žagmešter, Ana; Nazalević Čučević, Iva (2022) *Identifikacija i atribucija na (supra)sintaktičkoj razini u hrvatskome jeziku* u: *Slavistična prepletanja 1* (str. 37–57). Ur. N. Ulčnik, G. Nikolovski. Maribor: Univerza v Mariboru.
- [59] Velupillai, Viveka (2012) *An Introduction to Linguistic Typology*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- [60] Vukušić, Stjepan; Zoričić, Ivan; Grasselli-Vukušić, Marija (2007) *Naglasak u hrvatskome književnom jeziku*. Zagreb: Globus.
- [61] Zergollern-Miletić, Lovorka (2008) *Kategorija određenosti i neodređenosti u engleskom i hrvatskom jeziku*. Doktorska disertacija. Zagreb: Filozofski fakultet.
- [62] Znika, Marija (2006) *Kategorija određenosti i predikatno ime* u: *Jezik 1* (str. 16–25). Zagreb: Hrvatsko filološko društvo.
- [63] Živković, Igor (2016) *По-русски – правильно! Сборник упражнений по грамматике русского языка*. Zagreb: FF press.
- [64] Hrvatska enciklopedija, mrežno izdanje: *pridjev*. Leksikografski zavod Miroslav Krleža. <http://www.enciklopedija.hr/Natuknica.aspx?ID=50315> (26 декабря 2021 г.)

Sažetak

Rad se bavi fazama razvoja dugih i kratkih pridjeva u kontekstu njihove povezanosti s markiranjem (ne)određenosti u ruskome jeziku te usporedbom ekvivalentnih jezičnih pojava u hrvatskome jeziku (uz osvrt na situaciju u ostalim slavenskim jezicima), što podlogu nalazi u činjenici kako je spomenuta opozicija pridjevskih vidova postojala još u njihovu zajedničkom jeziku pretku – praslavenskome. Pritom se zbog najizraženije mogućnosti tvorbe obaju pridjevskih oblika u radu naglasak stavlja ponajprije na opisne pridjeve. Uvodni je dio rada posvećen problematici definiranja gramatičke kategorije (ne)određenosti te ukazivanju na važne karakteristike pridjeva kao po mnogočemu karakteristične vrste riječi. Za adekvatno je shvaćanje suvremenoga stanja potrebno izučiti cjelovit historijski razvoj kategorije, stoga se u radu u okvirima Greenbergove koncepcije životnoga ciklusa artikla kao markera primarne određenosti pruža kratak i sistematičan uvid u razvoj pridjevskih oblika od njihove afirmacije u okviru (balto)slavenskoga jedinstva i prvoga općeslavenskog književnog jezika preko specifičnih procesa i mijena u staroruskome jeziku (širenje uporabe dugih pridjeva na predikatno ime te ograničavanje uporabe kratkih pridjeva u atributu) sve do karakteristika njihove uporabe u suvremenome ruskom jeziku. Spomenuti su procesi doveli do postupnoga urušavanja primarne određenosti, čime se težište s opozicije određenost/neodređenost pomaklo na predikatno-atributnu opoziciju (sintaktičku funkciju). Peti je dio posvećen pridjevskim oblicima u hrvatskome jeziku, ponajprije njihovu neadekvatnom tradicionalnom opisu u okvirima literature o novoštokavskim jezicima (usp. određeni i neodređeni pridjevi), koji, o čemu svjedoče novija istraživanja (Marković, Karlić), naprosto ne odgovara stvarnome jezičnom stanju. Zaključni dio donosi paralelnu tabličnu usporedbu kratkih i dugih pridjeva u suvremenome ruskom i hrvatskom jeziku s obzirom na njihova suprasegmentarna, morfološka, sintaktička i stilska obilježja. Kako se u kontekstu obaju suvremenih jezika u većoj ili manjoj mjeri može govoriti o gubljenju ishodne semantičke opozicije i prebacivanju funkcije na sekundarna sredstva, najvažniji su kriteriji današnje distribucije pridjevskih oblika (kada se izuzmu sintaktička, tvorbena i druga ograničenja) njihova stilska obilježja.

Ključne riječi: (ne)određenost, pridjevi, (staro)ruski jezik, hrvatski jezik, slavenski jezici.

Ключевые слова: (не)определенность, прилагательные, (древне)русский язык, хорватский язык, славянские языки.

Kratki životopis

Darko Vasilj rođen je u Požegi 3. veljače 2000. godine. Osnovnu je školu završio u Kutjevu, a opću gimnaziju u Požegi. 2018. godine upisuje dvopredmetni Preddiplomski studij Kroatistike i Ruskoga jezika i književnosti na Filozofskome fakultetu Sveučilišta u Zagrebu, za vrijeme kojega aktivno sudjeluje u dodatnim aktivnostima kao što su organizacija i provedba programa mentoriranja bruća, Dani otvorenih vrata Filozofskoga fakulteta, ispomoć studentima na razmjeni, lektoriranje studentskih časopisa i slično. Bio je zamjenik predstavnika studijske grupe u Studentskome zboru Fakulteta. Redoviti je član Kluba studenata rusistike „Puškin“. Povremeno objavljuje stručne članke u studentskim časopisima, znanstvenim zbornicima i na internetskim portalima te na poziv profesorâ sudjeluje na znanstvenim skupovima. Dobitnik je Rektorove nagrade u kategoriji b (tinski znanstveni i umjetnički rad) za akademsku godinu 2019/2020. Dobitnik je Nagrade za izvrsnost Dekana Filozofskoga fakulteta 2021. godine (na prijedlog Odsjeka za kroatistiku) za odličan uspjeh na preddiplomskome studiju.